

Клуб рассказчиков

Александр УС

ОЖИДАНИЕ

Памяти моей сестры Людмилы

*В темные времена, когда даже
мудрецы не уверены,
объяснение в любви всегда действен-
ное.*

Стивен Кинг. 11/22/63.

Девушка-подросток смотрела на низко висящее над горизонтом солнце сквозь марево оранжевого дыма. Она хорошо училась в школе и знала, что смотреть на солнце можно только при помощи специальных закопченных стекол. Иначе заработаешь ожог сетчатки. Но о каком ожоге могла идти речь, когда солнце еле-еле пробивалось сквозь клубы ядовитого дыма. Позже такие цвета назовут кислотными, а модельеры всего мира будут соревноваться друг с другом в стремлении насытить ими фасоны своих моделей.

С тех пор, как они с мамой переехали в этот город, дым преследовал ее повсюду, будь то дым из печки, которая отапливала маленький частный

дом, где они снимали крошечную комнату, или тот дурман, которым наполнялась кухня, когда хозяин дома закурил свою вонючую папиросу. Иногда по улицам города проезжал паровоз. Он перевозил щебень из карьера на комбинат. И жители близлежащих домов погружались в чад. Но больше всего раздражал дым из заводских труб. Он закрывал собой солнце, погружая город в беспросветную тоску. Пока еще зеленели листья, с этим как-то можно было мириться, но стоило прийти зиме, и проблема становилась еще очевиднее. Снега в степи выпадало не так много, и тот стремился унести вдаль колючий ветер, спускавшийся с гор. Вскоре девочка поняла, что ветер дул неслучайно. Потому что через некоторое время тот снег, который остался в убранных дворниками сугробах, покрывался оранжевым налетом. На следующий день он мог стать фиолетовым, а послезавтра зеленым. Все зависело от того, какого цвета дым шел из заводских труб.

Как он был не похож на тот сладкий дымок ее родной Украины, когда в преддверии заморозков люди обкуривали уже начинавшие цвести яблоны. Дым от костров смешивался с яблочным цветом, наполнялся сладостью еще не зачатых фруктов, сползал вниз по лугу к реке, впитывал в себя аромат трав, встречался с речной прохладой и зависал в воздухе в виде тумана где-то на высоте одного метра от земли. Стоило поднырнуть под этот туман, и ты оказывалась в маленьком волшебном мире, где на полу лежал мягкий изумрудный ковер из луговых трав, а прямо над головой густая молочная пена, которую так и хотелось слизнуть языком.

Зачем они приехали в этот город? Может быть, еще не поздно вернуться? Может быть, еще в силах убежать от этого дыма цвета химического реактива? Впрочем, сегодня ей не хотелось думать о грустном. Сегодня ей исполнялось пятнадцать лет. Она уже почти взрослая. Через год можно будет получать паспорт. Потом она окончит школу, и можно будет уехать учиться в Москву или еще куда-нибудь. И она сбежит от этого страшного дыма, от кровотокащего неба, пронзенного пиками закопченных труб. Все будет хорошо, разве можно думать о чем-то плохом в день, когда тебе исполнилось пятнадцать.

Обо всем этом она размышляла, сидя за столом, заплетая в косу свои длинные густые волосы. Стол был многофункциональным. Сейчас он исполнял роль косметического столика, после школы она делала за ним уроки, а ночью он служил ей кроватью, поскольку второй в их комнате не было, и ей приходилось спать на столе. Но сегодня была суббота, и ей не надо было делать уроки. И поспать сегодня она сможет на кровати, потому что мама еще рано утром испекла пироги, поцеловала в щеку и ушла в роддом. Конечно, грустно в день рождения быть без мамы, но так получилось. Через несколько дней в этом доме появится малыш, а у нее будет братик

или сестренка. Она хотела братика. Конечно, это было не принципиально, сестренка ее бы тоже устроила. Но какое-то шестое чувство говорило ей, что будет братик. Когда-нибудь, думала она, люди изобретут приборы, и не надо будет изводить себя догадками. Просто посмотрел в прибор, и сразу все ясно.

В дверь постучали, прервав ход разгулявшихся мыслей.

– Эй, именинница, пойдем чай пить, – позвала хозяйка дома, – а то так весь день рождения на сухую пройдет.

На кухне вкусно пахло заваренными душистыми травами. Их аромат смешивался с чем-то неуловимым, но хорошо ей знакомым. Ах, да, конечно. В углу стола, накрытая стопкой льняных полотенец, чтобы не потерять тепло, стояла большая тарелка с мамиными пирогами. Но даже если бы они были покрыты свинцовой защитой от рентгеновских лучей, та не смогла бы задержать щекотавшего ноздри, знакомого с детских лет, запаха.

Вошел хозяин. Она испугалась, что сейчас он задымит своей ужасной папирсой. Но он и не думал этого делать. Он только что умылся, от него пахло одеколоном «Цитрусовый», и он даже не был в майке, как обычно, а облачился в свежую сорочку, которую надевал на памяти девочки лишь однажды, когда отвозил начальника на ноябрьскую демонстрацию. Хозяин работал шофером на стройке.

– Ну, что, милая, стало быть, с днем рождения, – пророкотал он прокуренным голосом, – вот тебе от нас со старухой небольшой презент.

Он только успел вытащить из-за спины внушительный сверток, завернутый в серую бумагу из продуктового магазина, как на его спину обрушился увесистый подзатыльник.

– Это кто старуха? – закипела хозяйка, как стоящий на печке чайник. – Язык твой бесстыжий. Сейчас как огрею кочергой, чтобы думал, прежде чем ахинею нести.

Завернулась шуточная перепалка, но девочка знала, что они играют, гос-

поди, это в таком-то возрасте, улынулась и развернула пакет. Бог ты мой, килограмм «Тузиков». Она никогда в жизни не держала столько шоколадных конфет в руках одновременно.

– Спасибо, дядя Леня, – сияя сказала она, – и вам тетя Соня, спасибо. Давайте пить чай.

– И то правда, – ответила хозяйка, – вон чайник уже на печи подпрыгивает, как бы в космос не улетел, и я вслед за ним.

– Вот еще одна Валентина Терешкова выискалась, – хохотнул хозяин, не упуская возможности оставить в споре за собой последнюю фразу. И сразу же начал насвистывать мотив частушки.

– Замолчи, окаянный, – прикрикнула тетя Соня, бросив в него полотенцем. – Ребенка бы постыдился.

– Так какой же она ребенок. Ты погляди на нее. Невеста уже. – Дядя Леня сел за стол на табурет, удобно прислонившись спиной к стене. – Я вот что думаю, попомни мои слова, она, когда с ребеночком гулять-то будет, не один, и не два подумают, что ребеночек ее.

– Ну, что ты несешь, тебе больше поговорить не о чем? – укорила его тетя Соня.

– А что я такого сказал? Посмотри на нее, какая красавица.

– Да уж, – сказала хозяйка, – мне бы такую косу, и годков сорок сбросить.

Тетя Соня мечтательно вздохнула и отпила из чашки.

Девушка немного смутилась, и быстро прокрутила в голове ситуацию. Приходилось признать, что дядя Леня был прав, и ей предстоит вынести немало косых взглядов, брошенных, где с жалостью, а где с упреком. Ерунда. Пусть все это останется на совести тех людей, у кого мысли текут только в одном направлении. Она задумалась о другом. Через несколько дней ее жизнь уже не будет такой как прежде.

Предстоит в одночасье повзрослеть, предстоит стать более ответственной и внимательной (хотя куда уж

больше). Она должна помочь маме. Та и так надрывается на работе с утра до вечера. Этот мальчик он так им всем нужен (теперь она была уверена, что будет мальчик, не может быть по-другому). Если будет мальчик, должен вернуться отец. Не может быть, чтобы не вернулся. Все мужчины мечтают о сыновьях. И они снова все будут вместе. И все будут счастливы. А она будет заботливая сестра. Будет менять пеленки, будет ползать вместе с братом на четвереньках, будет рассказывать ему сказки, учить его читать, писать, считать, возить на санках в детский сад, покупать пирожные и лимонад, помогать делать уроки в школе, ходить с ним в кино, дарить ему подарки, болеть за его любимую футбольную команду, а потом уже за него самого, будет любить его всем сердцем, потому что как можно будет его не любить.

– Будет война, попомни мое слово, – вернул ее из мечтаний голос дяди Лени. – Я тебе это, Соня, точно говорю.

– Типун тебе на язык, – всплеснула руками хозяйка, – что ты каркаешь как ворон на погосте?

– Я не каркаю. Сам слышал сегодня по радио. В Америке убили президента. И человек, который убил, приехал из СССР. Ну, он сам-то американец, но жена у него русская. И американцы теперь думают, что мы его специально к ним подослали, чтобы он президента ихнего и подстрелил.

– Свят, свят, свят, – перекрестилась тетя Соня, – что же теперь будет?

И правда. Что же теперь будет? Неужели опять война? Предыдущая закончилась за три года до ее рождения. Но из рассказов родителей она поняла, это было более чем ужасно. Да она и сама это видела. На Украине, неподалеку от их дома работал сапожник. У него не было ног. Он перемещался на квадратной фанерной дощечке, к которой были приделаны маленькие колесики. Солдатское галифе покрывало то, что осталось от нижней части его тела. Сверху он носил

гражданский пиджак, увешанный боевыми медалями. Награды позвякивали как бубенцы на дуге, когда он переезжал с места на место, отталкиваясь от бугристого асфальта специальными колодками. Однажды с его тележки отскочило колесо, и он беспомощно застрял у придорожных кустов. Она как раз проходила мимо, и инвалид попросил ее позвать взрослых из соседнего дома. Ее взгляд упал на заросшее седой щетиной лицо, на перекошенные от наклона медали, они встретились глазами, и она прочла в них стыд и щемящую тоску. И теперь при слове *война* она всегда вспоминала глаза того сапожника. Они дали ей больше любого ленинского урока.

Поблагодарив за чай, она выскользнула из-за стола и вернулась к себе в комнату. Ей надо было побыть одной. Неужели ее маленький брат не увидит, как прекрасен этот мир, а ему достанется только самая неприглядная его сторона с ужасами бомбежек, очередями за хлебом, игрушками из отстрелянных гильз? А еще эти ужасные картинки в журналах с поднимающимся

к небу уродливым грибом. По сравнению с ним дым этого города это просто дымок от костерка. Хотя никто не изучал, сколько жизней в год уносит он. Может быть, однажды он прихватит и ее жизнь тоже. Если, конечно, она не уедет учиться в Москву, если не будет войны, если все, о чем она мечтает в свои пятнадцать лет, сбудется. А как же не сбудется. Прочь все страхи и тревоги. Через несколько дней, может быть, даже завтра, у нее будет маленькое чудо, любовь к которому она пронесет через всю жизнь. И эта жизнь будет прекрасна. Просто не надо бояться саблезубых тигров, выглядывающих из леса.

Она развернула очередного «Тузика». Положила конфету на язык, зажмурила глаза и выждала, пока шоклад медленно растекся по языку, попутно обволакивая нёбо.

Она загадала желание. Конечно же, оно сбудется. Она это знала точно. Как, впрочем, и то, что ни в какую Москву она учиться не поедет.

Санкт-Петербург, 27.11.2013

В день, когда автору исполнилось 50.
